

Анна Гавальда

35 kilos d'espoir

Anna Gavalda

35 кило надежды

C'est magnifique!!!
je voudrais la même édition
en français!! Spassiba!*

Anna Gavalda

В лучшем оформлении!

Анна Гавальда

35 кило надежды

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=146284

Анна Гавальда. 35 кило надежды: АСТ, Астрель; Москва; 2010

ISBN 978-5-17-066107-7, 978-5-271-27288-2

Аннотация

Анна Гавальда (р. 1970) – ярчайшая «звезда французской словесности», чей успех в ряде стран уже затмил пресловутый «Код да Винчи». Ее называют «литературным феноменом», «нежным Уэльбеком» и «новой Франсуазой Саган». Ее книги, покорившие миллионы читателей по всему миру, отмечены целым созвездием литературных премий, переводятся на десятки языков, по ним ставят спектакли и снимают фильмы.

«35 кило надежды» – поэтичная притча о главном: о выборе жизненного пути, о силе любви и преданности. О семье. О том, что мечты могут и должны сбываться. Надо только очень сильно захотеть. И очень сильно постараться.

Решая свои «детские» проблемы, тринадцатилетний герой ищет выход – и находит его, да так, что и взрослым есть чему у мальчишки поучиться.

Анна Гавальда
35 кило надежды

Моему дедушке и Мари Тонделье

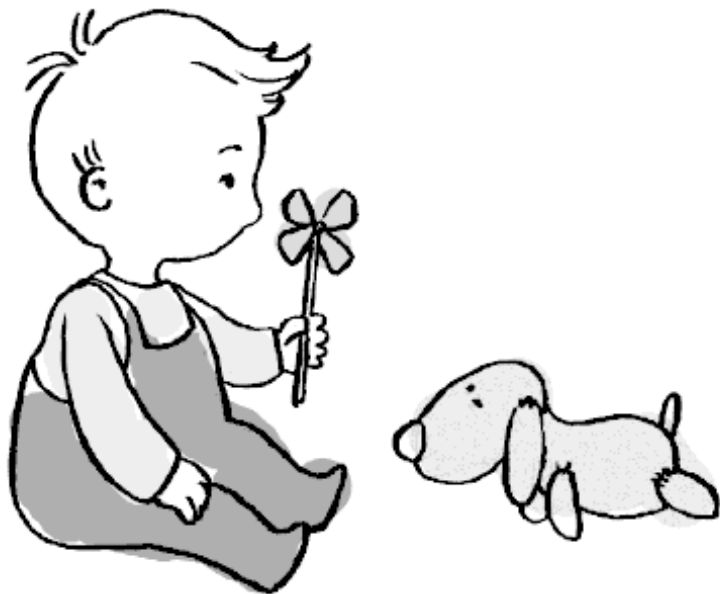

Я ненавижу школу.

Ненавижу ее пуще всего на свете.

Нет, даже еще сильнее...

Она испортила мне всю жизнь.

До трех лет, точно могу сказать, я жил счастливо. Я плохо это помню, но так мне кажется. Я играл, по десять раз подряд смотрел мультик про медвежонка, рисовал картинки и придумывал миллион приключений для Гродуду – это был мой любимый плюшевый щенок. Мама рассказывала, что я часами сидел один в своей комнате и не скучал, болтал без умолку, вроде как сам с собой. Вот я и думаю: наверно, счастливо мне жилось.

Тогда, в детстве, я всех любил и думал, что меня тоже все любят. А потом, когда мне исполнилось три года и пять ме-

сяцев, вдруг – бац! – в школу.

В первое утро я вроде даже был рад. Родители наверняка все лето мне талдычили: «Вот здорово, милый, ты пойдешь в настоящую школу...», «Смотри, какой красивый ранец тебе купили! Ты пойдешь с ним в школу!» Ну и все такое... Они говорят, я даже не плакал. (Я вообще любопытный, наверно, хотел посмотреть, какие там у них игрушки и есть ли «Лего»...) В общем, к обеду я вернулся довольный, все съел и побежал в свою комнату, рассказать Гродуду, как интересно было в школе.

Если бы я тогда знал, то как следует посмаковал бы те последние счастливые минуты, потому что сразу после этого моя жизнь пошла наперекосяк.

– Пошли, – сказала мама.

– Куда?

– Как куда... В школу!

– Нет.

– Что – нет?

– Я больше туда не пойду.

– Вот как? Почему же?

– Хватит уже, видел я эту школу, ничего там интересного.

У меня тут полно дел, дома. Я обещал Гродуду сделать ему такую машинку, чтобы искать косточки, а то он их много зарыл у меня под кроватью, а найти не может, так что некогда

МНЕ В ШКОЛУ ХОДИТЬ.

Мама присела передо мной на корточки. Я замотал головой.

Она стала меня уговаривать. Я заплакал.

Она подняла меня на руки, я завизжал.

И тогда она вlepила мне затрещину:

Первую в моей жизни.

Вот так.

Вот тебе и школа.

Так начался кошмар.

Я миллион раз слышал, как родители рассказывали эту историю. Своим друзьям, воспитательницам, учителям, психологам, логопедам и консультанту по профориентации. И до сих пор каждый раз, когда ее слышу, я вспоминаю, что этот самый детектор косточек для Гродуду я так и не сконструировал.

А сейчас мне тринадцать лет, и я учусь в шестом классе. Да, сам знаю, что-то тут не так. Не надо загибать пальцы, сам объясню. Два раза я оставался на второй год: в начальной школе во втором и вот теперь – в шестом.

Из-за этой школы в доме вечно скандалы, сами понимаете... Мама плачет, а отец орет на меня, или, наоборот, мама орет, а отец молчит. А мне плохо, когда они такие, но что я могу поделать? Что им сказать? Ничего. Я ничего не могу им сказать, потому что, если открою рот, будет еще хуже. А они долдонят мне одно и то же, как попугаи: «Работай!»

«Работай!» «Работай!» «Работай!»

«Работай!»

Да понимаю я, понимаю. Не совсем я все-таки тупой. Я бы и рад работать, да вот беда – не получается. Все, чему учат в школе, для меня китайская грамота. В одно ухо влетает, в другое вылетает. Водили меня к миллиону докторов, проверяли глаза, уши, даже мозги. Времени потратили уйму, а заключили, что у меня, видите ли, проблема с концентрацией внимания. Обалдеть! Я-то сам знаю, что со мной, меня бы спросили. Все со мной в порядке. Никаких проблем. Просто мне неинтересно.

Не-ин-те-рес-но. И все.

Хорошо в школе было только один год – в старшей детсадовской группе. Там у меня была воспитательница Мари. Вот ее я никогда не забуду.

Я теперь думаю, Мари пошла работать в школу, чтобы за-

ниматься тем, что ей нравилось по жизни: рукодельничать да мастерить всякую всячину. Я ее сразу полюбил. С самого первого дня. Платья она сама себе шила, свитера сама вязала, украшения сама придумывала. Не было дня, чтобы мы не приносили что-нибудь домой: ежика из папье-маше, котенка с бутылочкой молока, мышку в ореховой скорлупке, вертушки, рисунки, аппликации... Вот это была воспитательница – мы у нее не только перед Праздником мам работали в охотку. Она говорила: не зря прожит тот день, когда ты что-то сделал своими руками. Теперь я думаю, что от этого счастливого года и пошли потом все мои несчастья, потому что именно тогда я понял одну простую вещь: больше всего на свете мне интересны мои руки и то, что они способны смастерить.

Еще скажу про Мари: отлично знаю, чем я ей обязан. Сносной успеваемостью в подготовительном классе – вот

чем. Она-то поняла, с кем имеет дело. Знала, что я готов разреветься, если меня просят написать свое имя, что я ничегошеньки не запоминаю и для меня даже считалочку прочесть наизусть – тихий ужас. В последний день перед каникулами я пришел с ней попрощаться. В горле стоял ком, и говорить было трудно. Я протянул ей свой подарок – это была суперская карандашница, с выдвижными ящичками для скрепок и для кнопок, гнездышком для ластика и еще всякими наворотами. Сколько я ее клеил и раскрашивал – с ума сойти. Мари была довольна, я видел, и, по-моему, волновалась так же сильно, как я. Она сказала мне:

– У меня тоже есть для тебя подарок, Грегуар...

Это оказалась толстая книга.

– На будущий год, – добавила Мари, – ты пойдешь в подготовительный класс, к мадам Даре, и должен будешь очень-очень стараться... Знаешь зачем?

Я покачал головой.

– Чтобы прочесть все, что здесь написано.

Дома я попросил маму прочесть мне название. Она положила толстую книгу на колени и сказала:

– «1000 дел для умелых рук». О-ля-ля, это сколько же всего предстоит!

Мадам Даре я ненавидел. Ненавидел ее голос, ее кривлянья, то, что она вечно обзаводилась любимчиками. Но я все-таки научился читать, потому что очень хотел сделать бегемота из коробки от яиц со страницы 124.

В моей педагогической характеристике Мари написала: «У этого мальчика голова как решето, золотые руки и большее сердце. Если постараться, из него выйдет толк».

В первый и последний раз за всю мою жизнь работник народного образования сказал обо мне доброе слово.

В любом случае я знаю массу людей, которым это все тоже не нравится. Вот вы, например, если я спрошу: «Школу любите?» – что ответите? Покачаете головой: нет, понятное дело. Разве что подхалимы из подхалимов скажут «да» или уж такие «ботаники», которым и впрямь нравится каждый день ходить проверять свои способности. Но я не о них... Кто все это любит по-настоящему? Да никто. А кто это по-настоящему ненавидит? Тоже мало кто. Мало, но есть. Такие, как я: их называют «лодырями» и «оболтусами», и у них все время болит живот.

Я просыпаюсь за час до будильника, а то и больше, и целый час лежу и чувствую эту боль в животе, как она набухает, набухает... К тому времени когда надо вставать с кровати, меня уже тошнит так, что кажется, будто я на палубе корабля в открытом море. Завтрак – мучение. Я вообще не могу ничего есть, но мама вечно стоит над душой, и хочешь не хочешь приходится запихивать в себя тосты. В автобусе боль сжимается в тугой-тугой комок. Если я встречаю по дороге ребят из класса, можно поговорить, к примеру, о «Зельде», тогда немножко отпускает, но когда еду один – комок душит меня. А самый ужас – это войти на школьный двор. Запах школы – вот что хуже всего. Запах мела и старых кроссовок, от которого трудно дышать и тошнота подкатывает к горлу.

К четырем комок начинает рассасываться, и я совсем его не чувствую, когда дома открываю дверь своей комнаты. По-

том скручивает опять – это когда приходят с работы родители и начинают допытываться, как прошел день, и рыться в моем портфеле, чтобы проверить дневник, но уже не так сильно, потому что к их скандалам я привык.

Нет, вру, конечно. Ничего я не привык. В доме вечные скандалы, и мне никак не удастся их избегать. Тяжело. Родители мои друг друга выносят с трудом, так что им обязательно что ни вечер надо как следует поругаться, только они не знают, к чему придраться, вот и пользуются мной – я с моими дерьмовыми отметками служу им удобным поводом. «Это ты виноват, это ты виновата!» Мама кричит, что отец никогда мной не занимался, времени на сына у него нет, а он ей отвечает, чтобы не валила с больной головы на здоровую, она сама меня, видите ли, избаловала.

Достало, как же это меня достало...

Меня это так достало, что вы даже представить себе не можете.

Я, когда они орут, мысленно затыкаю себе уши и стараюсь думать только о том, что в данный момент мастерю, например: космический корабль для звездных войн из «Лего-систем», или аппарат для выдавливания зубной пасты, или гигантскую пирамиду из деревянного конструктора «Каплас», да мало ли что. А потом начинается пытка уроками. Если мне помогает мама, всегда кончается тем, что она плачет. Если отец – плачу я.

Вот я вам все это рассказываю, а вы еще подумаете, что мои родители сволочи или третируют меня. Да нет же, нет, они у меня классные, просто классные... В общем, родители как родители. Все только из-за школы. Я, между прочим, из-за этого весь прошлый год записывал в дневник только половину заданий – чтобы меньше было скандалов и слез по вечерам. Честное слово, только поэтому, но у меня язык не повернулся сказать это директрисе, когда я заливался слезами в ее кабинете. Глупо ужасно.

Вообще-то я правильно сделал, что не сказал. Что она может понять, индюшка надутая? Все равно через месяц она меня отчислила.

Отчислила из-за физкультуры.

Этого вы еще не знаете: спорт я ненавижу почти так же,

как школу. Не совсем уж до такой степени, но почти. Если бы вы меня только видели, вы бы поняли почему. Татами и я, как говорится, – это вещи несовместимые. Я не вышел ни ростом, ни мускулатурой, ни силой. Скажу вам больше: я натуральный хлюпик.

Бывает, я стою – руки в боки, грудь вперед – перед зеркалом и смотрю на свое отражение. Вид тот еще, вылитый червяк на занятиях по бодибилдингу, или еще тот, помните, что хотел вступить в легион в «Астериксе-легионере»? Вроде бы такой крепыш, а когда снимает плащ из звериных шкур, видно, что дохляк. Когда я смотрюсь в зеркало, всегда его вспоминаю.

Ну ладно, нельзя же все на свете брать в голову, на что-то можно и наплевать, иначе и свихнуться недолго. Так вот, наплевал я в прошлом году на физкультуру. Даже когда я пишу

это слово, рот у меня сам собой растягивается в улыбку до ушей... Потому что на уроках физкультуры у мадам Берлюрон я посмеялся так, как не смеялся никогда в жизни.

Вот как это началось.

– Дюбоск Грегуар, – сказала она, уставившись в журнал.

– Я.

Я знал, что опять завалю на фиг упражнение и буду по-смешищем. Стоял и думал, когда же все это кончится.

В общем, только я шагнул вперед, все уже захихикали.

Но смеялись-то на этот раз не над моей неуклюжестью – просто я в тот день уж очень нелепо выглядел. Я забыл дома физкультурные шмотки, все бы ничего, но это был уже третий раз за четверть, вот я и попросил Бенжамена одолжить форму у брата, чтобы опять не оставили после уроков. (Я за один год после уроков столько насиделся, на сколько вас за всю жизнь не оставляли!) Я только не знал, что у Бенжамена брат – клон Зеленого Великана, росту в нем метр девяносто...

Ну вот, представьте себе меня в форме XXL и кроссовках сорок пятого размера. Надо ли говорить, что успех я имел...

– Это что такое? Что за вид? – рявкнула Берлюронша.

Я прикинулся дурачком, это я умею, и сказал:

– Э-э, сам не понимаю, мадам, на прошлой неделе все было впору... Не понимаю...

Она вроде начала злиться:

– А ну-ка, двойной кувырок вперед, ноги вместе.

Я кувыркнулся один раз через пень-колоду и потерял кроссовку. Услышал, как все ржут, и решил: что мне стоит, развеселю их еще сильнее. Кувыркнулся снова и исхитрился запустить вторую в потолок.

Когда я поднялся, у меня были видны трусы, потому что треники сползли. Мадам Берлюрон была красная, как свекла, а ребята от хохота держались за животики. И у меня от этого их смеха что-то отпустило внутри, потому что смеялись-то не зло, классно смеялись, как в цирке, и после этого урока я решил, что так всегда и буду на физре клоуном. Берлюроншиным шутком. Когда люди покатываются со смеху благодаря вам, это же здорово, и потом, это как наркотик: чем больше смеются, тем больше хочется их смешить.

Мадам Берлюрон наказывала меня так часто, что места в дневнике не хватало. В конце концов меня и отчислили из-за этого, но я не жалею. Мне хоть немножко лучше стало в школе, хоть что-то я сумел.

Что я вытворял – не описать. Раньше меня никто в команду брать не хотел, игрок-то я никакой, а теперь из-за меня готовы были передрасться, потому что я своими номерами запросто мог дестабилизировать противника. Помню, однажды меня поставили на ворота... Вот смеху-то было... Когда мяч летел на меня, я визжал и лез на сетку, как перепуганная макака, а когда надо было ввести мяч в игру, исхитрялся бросить его через себя, прямым попаданием в свои ворота.

Один раз я даже кинулся вперед, хотел мяч поймать. Я его, понятное дело, даже не коснулся, зато поднялся с пучком травы во рту, как корова, и замычал: «Муууу!» В тот день Карина Лельевр описалась от смеха, а меня оставили на два часа после уроков... Но дело того стоило.

А отчислили меня из-за коня. Самое интересное, что в кои-то веки я не валял дурака. Надо было прыгнуть через эту кожаную махину с ручками, и, когда пришла моя очередь, я чуть-чуть не-допрыгнул и жутко больно ушиб себе... ну... в общем, вы понимаете, о чем я говорю... Пипиську расплющил, короче. Ясное дело, ребята подумали, что я притворяюсь и ору: «У-у-у-у-у-йййййййй!», чтобы их посмешить, а Берлюронша поволокла меня прямиком к директрисе.

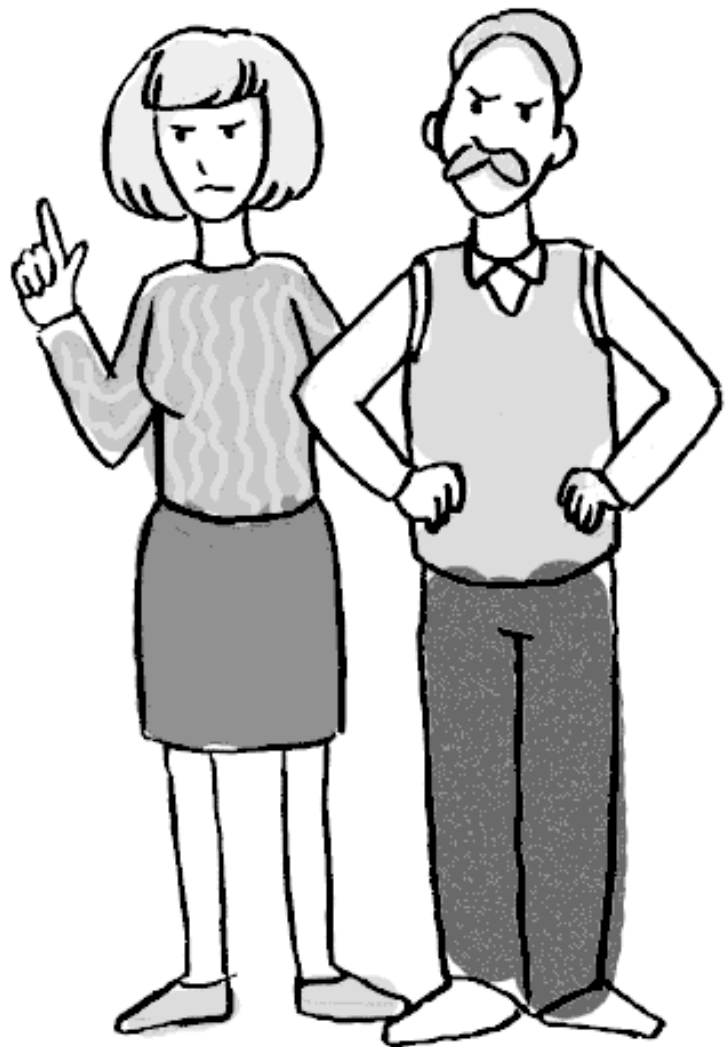
Я от боли пополам согнулся, но не плакал.

Не хотел доставлять им такого удовольствия.

Родители тоже мне не поверили, а когда узнали, что меня кроме шуток выгнали, то моя взяла. Раз в жизни они орали не друг на друга, а хором на меня и уж отвели душу.

Когда они наконец отпустили меня в мою комнату, я закрыл дверь и сел на пол. А потом сказал себе: «Одно из двух. Можешь лечь на кровать и реветь. Есть повод: жизнь у тебя дерьмовая, и сам ты полное дерьмо, и, если сейчас умрешь, всем будет только лучше. А можешь встать и что-нибудь смастерить». В тот вечер я сделал чудо-юдо из всякой дребедени, которую подобрал на стройке, и назвал его «Чучело-Берлючело».

Не сказать чтобы очень умно, сам знаю. Но мне полегчало, хоть подушку не промочил.

* * *

Только один человек меня тогда утешал – мой дедушка. Оно и неудивительно, потому что дедушка, дед Леон, всегда меня утешал: с тех пор как я научился ходить, он стал пускать меня в свой закуток.

Закуток деда Леона – это вся моя жизнь. Мое убежище и моя пещера Али-бабы. Когда бабушка начинает нас слегка доставать, он наклоняется ко мне и шепчет на ухо:

– Что, Грегуар, не прогуляться ли нам с тобой в Леонленд?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.